

ЯЗЫКОЗНАНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

КАРЕЛ ЯНАЧЕК

ЧТО МЫ ЗНАЕМ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ОБ ЭТРУССКОМ ЯЗЫКЕ?*

(Перевод с чешского Н. А. Кондрашова)

Этот информационный и не претендующий на полноту обзор связан с моей одноименной статьей [помещенной в журн. «Listy filologické (LF)», 62, 1935, стр. 1—13]. Из обобщающих работ, опубликованных с тех пор, особенно следует отметить: Pericle Ducati, *Le problème étrusque*, Paris, 1938; Massimo Pallottino, *Etruscologia*, Milano, 1947²; его же, *Elementi di lingua etrusca*, Firenze, 1936; Marcel Renard, *Initiation à l'étruscologie*, Bruxelles, 1943. Все эти работы содержат обширную библиографию. Научное изучение этрусского языка лучше всего отражено в многочисленных объемистых томах «Studi Etruschi» (=SE, с 1927 г.), которое издает Istituto di Studi Etruschi во Флоренции; наряду с этим изданием важные статьи содержатся в «Glotta» (=Gl). До сих пор, однако, не превзойдена капитальная, хотя и устаревшая работа: Müller-Deecke, *Die Etrusker*, 1877²; отсутствует также этрусский словарь, а в «Corpus Inscriptionum Etruscarum» (=CIE) не изданы еще надписи из Кампании и долины р. По.

Свою прежнюю статью я закончил скептическим замечанием Й. Зубатого (LF, 16, 1889, стр. 325); в качестве эпиграфа к настоящей статье уместно было бы привести название главы «Etruscologie» Паллоттино: *Il mistero della lingua*, так как все этрускологи, сохранявшие трезвый образ мышления, признают, что этрусский язык не разгадан. В этом смысле высказывается и советский историк Н. А. Машкин («История древнего Рима», 1950, стр. 84—85 и 87): «Вопросы о происхождении этрусков, об этрусском языке... являются одними из самых сложных и запутанных во всей науке об античном мире... Вопросы о происхождении этрусков и об этрусском языке остаются открытыми».

Однако, если учесть объективные трудности, т. е. недостаточное количество памятников этрусского языка, и то обстоятельство, что другие языки пока не дают нам определенного ключа для расшифровки этого языка, можно утверждать, что скромные результаты этрускологического изучения, достигнутые путем применения положительного научного метода, все же являются оптимальными. При этом нельзя принимать в расчет как незрелые марксистские комбинации, так и лелый ряд фантастических толкований западных авторов.

Если мы сравним «Lingua etrusca» Тромбетти (1928 г.) с «Elementi» Паллоттино (1936 г.), то увидим, что ученик целиком освободился от романтического и не научного объяснения этрусских фактов посредством привлечения данных других языков. Поэтому в настоящее время нам известно, очевидно, меньше, но наши знания более основательны. Ту же эволюцию претерпели, например, и взгляды Буонамичи, наиболее крупного знатока этрусской эпиграфики; в молодости он выполнял переводы с этрусского, а ныне, как некогда и Даниельсон, прокладывает (в особенности образцовым изданием в SE новых находок) дорогу тем, которые будут разрешать этрусскую проблему в более выгодных условиях. До сих пор все еще тлеет надежда, к сожалению, не оправданная еще раскопками, что будет найдена большая по объему этрусско-латинская билингва или хотя бы этрусский текст, который вызвал бы новые комбинации и дал возможность оценить прежние.

* См. Karel J a n á č e k, Co víme dnes o etruštině? «Listy filologické», R. I (LXXVI), Praha, 1953, č. 2, стр. 199—209.

Редакция помещает информационную заметку К. Яначека, поскольку она содержит богатый материал, характеризующий современное состояние изучения этрусского языка. Однако необходимо иметь в виду, что скептические взгляды автора относительно результатов сравнительно-исторического изучения этрусского языка не являются общепринятыми. — *Ред.*

На вопрос, как решать этрусскую проблему, имеется несколько ответов. При этом необходимо отличать подготовительные работы, прежде всего эпиграфические исследования, от методов в собственном смысле слова — этимологического и комбинационного, к которым добавился развитый — особенно в работах Ольши — метод параллельных текстов. Идеальным было бы совмещение всех необходимых познаний, в особенности археологических, исторических, лингвистических и филологических, в одном лице, но уже этот перечень указывает на имеющиеся трудности. При изучении языка в собственном смысле слова необходимо отрешиться от индоевропейских и других грамматических категорий; в особенности опасен перенос индоевропейских синтаксических категорий на этрусский язык.

Естественной основой всего изучения является надежный текст. И именно поэтому эпиграфист Буонамичи постоянно указывает на необходимость ревизии всего материала, чтобы с самого начала избежать ошибки в расчетах. Так, например, ошибочная интерпретация знаков $M (= s)$, $\neq (= z)$, $+$ (= свистящая, как выяснила Эва Физель в 1936 г.!) и некоторых других приводила к тому, что устанавливались несуществующие слова. Часто встречается плохое чтение знаков, хорошо известных эпиграфике; так, Буонамичи (SE, 18, 1944, 312) показал, что ранее известный знак II (= n) двух надписей нужно разделить на два: $=|i|$ и $|$ и, таким образом, читать их как *vi*. Благодаря этому получаем на обеих надписях собственное имя *vipitenes*, сходное с названием ретийского города *Vipitenum*. Одновременно свидетельства о существовании этого города, идущие до сих пор от IV в. н. э., относятся примерно на 500 лет назад. (Для суждения об образовании имен собственных от топонимических ср., например, *sentinate*, *manduate*, *frentinate*). Плохое чтение привело к ошибочной трактовке содержания так называемой *liber linteus* (= L. I.).

Гербиг в своем издании читал VII. 17 и 23 как *aruth titi* и на основании этого считал, что речь идет о так называемой книге мертвых, в которой был назван покойник. Однако применение для дешифровки инфракрасных лучей подтвердило старое чтение Кралла *ara duni*. Хотя эти слова и непонятны, но все же исследователи освободились от ошибочного мнения. И, наоборот, точное знание эпиграфики в конечном итоге позволяет дополнять в неизвестном языке неполные слова, если ясно, что речь идет об ономастических формулах. Так, известны сокращенные обозначения *praenomina*, например *C = Caē*, *L = Larθ* и др. Из нарицательных имен сокращаются, например, *clan* (= сын) в *cl*, *sech* (= дочь) в *s*, *lautni* (= вольноотпущенник) в *l* и т. д. Равным образом можно дополнять испорченные слова, если известно их место в контексте, например *θui cesu* (= здесь лежит), или восстановить местоимение *mi* перед словом *sidi* (= могила) и пр. Эпиграфическое обозрение в SE, образцово поставленное Буонамичи, является именно такой мастерской по исправлению и дополнению надписей; при этом пополняется и наше знание реалий: Буонамичи устанавливает генеалогию родов, датировку надписей, их содержание и т. п.

К проблеме о происхождении этрусского алфавита Буонамичи подходит осторожно, не предпринимая вопроса о том, заимствован ли он из кумского греческого алфавита или же этруски познакомились с греческим алфавитом еще на Востоке. Непосредственный греческий образец для этрусского алфавита еще не найден, в особенности для тройного вида шипящих (все три вида представлены в финикийском алфавите). С другой стороны, этрусский алфавит не является единым, он различается в зависимости от места и эпохи. С 1915 г., когда в *Marsiliana d' Albegna* был найден древнеэтрусский алфавит VII в. до н. э., нацарапанный на дощечке из слоновой кости, стало возможным выводить латинское письмо из этрусского, так как оказались засвидетельствованными и буквы *o*, *b*, *d*, *g*, отсутствующие в позднейших надписях.

Весьма важно изучение словораздела. Для меня, к сожалению, оказалась недоступной последняя книга Слотти «*Beiträge zur Etruskologie*» (1952). После исследований Буонамичи и особенно Феттера нам стало известно, что древнейшие тексты написаны в виде *scriptura continua*, наряду с чем иногда представлено и деление на слова, именно три точки; в более позднее время деление на слова передается обычно двоеточием. Кроме того, некоторые тексты содержат и указания на слогораздел, систему которого установил Феттер (Gl., 24, 1936, стр. 114—133 и 27, 1939, стр. 157—178): нормальные слоги, оканчивающиеся гласным, не отмечаются; обозначены, однако, гласные, начинающие слово, и согласные, которые заканчивают слог; ср. *a-cvīl-naš*, *a-caš-ri* (при этом значки могут быть различными, а не только под знаками). Феттер весьма правдоподобно истолковывает это деление как свидетельство того, что этруски до принятия буквенного письма пользовались письмом слоговым (как, например, кипрское) и отдельно обозначали неполные слоги (как это представлено, например, в древнеиндусском алфавите). Положение у этрусов в историческую эпоху было таково, что слоговое письмо было сведено к слогоразделу.

В своей последней статье (SE, 16, 1943, стр. 344 и сл.) Буонамичи высказывает мнение о влиянии эгейско-критского письма и гипотетически связывает этрусский алфавит даже с Эламом и Индией. Взгляд Феттера на первоначальный слоговой характер этрусского письма поддерживает Вл. Георгиев в статье «Происхождение алфавита»

(«Вопросы языкознания», 1952, № 6, стр. 48—83), утверждая, что финикийское, греческое и этрусское письмо возникли независимо друг от друга непосредственно из минойского слогового письма.

В связи с возобновившимся интересом к эпиграфике большое внимание уделяется новому изданию уже известных памятников; так, в CIE в 1936 г. были напечатаны важные надписи из Тарквиний (стараниями Даниельсона, Зиттига и Ногаро). Норрио Буффа в 1935 г. издал большой сборник надписей (до сих пор вообще не опубликованных или опубликованных только в журналах): «Nuova raccolta di iscrizioni etrusche». Наибольшим издательским предприятием, однако, является третье издание самого большого этрусского памятника¹: Runes-Cortsen, Der etruskische Text der Agamer Mumienbinde (Göttingen, 1935). Старое издание Гербига исправлено здесь почти в 340 местах.

Общее количество этрусских надписей, отмеченное Дееком в 1877 г. цифрой 5000, увеличилось, согласно моей информации, в 1935 г. до 9000, а в 1947 г. Паллоттино приводил цифру 10 000. Наряду с находками имеем и утраты; ряд надписей пропал без вести, другие уничтожены атмосферными осадками в склепах, наконец, о некоторых надписях стало известно, что они являются подделками.

Много труда было затрачено (прежде всего, Буонамичи в его основополагающей работе «Epigrafia etrusca», Флоренция, 1932) на хронологическое и топографическое приурочение надписей. Точно датированные памятники служат основой при определении хронологии последующих. Критерии давности устанавливаются, с одной стороны, по данным истории (так, надписи в Вейях не могут быть датированы ранее 396 г., надпись из Капуи не могла возникнуть после падения этрусского царства в конце V в.), с другой стороны, по археологическим данным (здесь особенно помогают «стилевой» анализ и сопоставление с греческими предметами, которые были импортированы или служили образцом для подражания, а также находки монет в могилах и т. д.). Тщательный анализ знаков и форм письма, разделения слов, языка ведет также к положительным результатам, даже в том случае, если устанавливаем обычно относительную, а не абсолютную датировку памятника.

Поскольку основная масса надписей найдена на юге и востоке Этрурии, то можно установить и местные их особенности. Отметим лишь одно различие в ономастике. Обычная четырехчленная формула (praenomen, gentile, genitivus praenominis отца и gentile матери) не встречается в Орвете, где преобладает архаическая двучленная формула; ср. *mi mamarce velθienas* (CIE, 4923), *avele palearas mi* (CIE, 4924), в которых *mi* является местоимением, несомненно 1-го лица единственного числа, а собственно формула содержит лишь praenomen (Mamarce, Avele) и gentile. К этим формулам имеют латинские параллели типа Tullus Hostilius, Servius Tullius и др.

В конце нашего вступления следует напомнить о выдающемся труде Фр. Слотти, ныне профессора Иенского университета, который, всегда исходя из аутентичного материала, дает собственное, часто новое чтение и энциклопедически судит в монографических статьях обо всем, что можно извлечь из надписи. Укажем хотя бы его статью «Zur Frage des Mutterrechtes bei den Etruskern» (Symbolae Hrozný, V, стр. 262—285), где он доказывает, вопреки мнению прежних исследователей, что на основании ономастических формул нельзя доказать существование материнского права у этрусков. Затем следует отметить большую статью *Manim arce* (SE, 18, 1944, стр. 159—185 и 19, 1945, стр. 177—247), в которой он римские имена *manes*, (*lapis*) *manalis* и др. выводит из этрусского языка.

Если мы обратимся к методам в собственном смысле слова, то об этимологическом нет надобности распространяться; каждый, кто им пользуется и не привлекает при этом ряда соответствий, осуждает сам себя на неудачу. Число заблуждающихся в последнее время пополнили венский туранист, пытающийся объяснить этрусский с помощью турецкого, мексиканский енископ, сравнивающий этрусский с баскским, и итальянский правовед, опирающийся на греческие этимологии. Всем им свойственна *dampnatio memoriae*. Совершенно иное дело признавать совпадение некоторых этрусских слов с умбрскими или латинскими, так как их можно объяснить заимствованием.

Комбинационный метод всегда оправдывает себя, хотя хорошо известны его недостатки: значение слова можно определить в большинстве случаев лишь приблизительно, если только установлена сфера значений; равным образом нельзя точно определить и грамматические категории. В связи с этим требуется большая точность при анализе: при толковании определенного слова нужно изучить все параллельные места, причем всегда следует учитывать значение или функции слов; в противном случае исследователю грозит опасность самообмана. Уточнение этого метода находим в работах Девото и Паллоттино, публикуемых большей частью в SE. Оба исследователя сосредоточивают свое внимание на словах или частях слов, которые повторяются и согласно которым можно членить текст на более или менее симметричные единицы.

¹ Имеется в виду текст на повязке мумии, хранящейся в Загребском музее. В дальнейшем обозначаем его *l. l.* (*liber linteus*).— *Ред.*

Особенно важны частицы, которые являются ценными указателями начала и конца частей предложения. Вообще нужно исходить из реального (вещественного) целого, исследовать стилистическую структуру. Функции отдельных слов вытекают из анализа целого, причем нельзя путем сочетания неизвестных функций получить полноточный текст. Речь идет, согласно Паллотино («Etruscologia», стр. 301), о том, чтобы создать некую сеть синтаксических отношений там, где в нашем распоряжении для интерпретации текста недостает как раз вещественного значения составляющих его единиц. Само собою разумеется, что при таком синтаксико-стилистическом методе нужно полностью использовать все известное о фонетике, морфологии и лексике, но методику исследования нельзя изменять.

Этот метод считается лучшим, хотя следует сознавать его ограниченность. Границы его предопределены отсутствием у нас сведений о лексической стороне этрусского языка. Дукати в 1938 г. определил, например, число вполне известных слов цифрой 50! Кто стремится из лексических отношений во что бы то ни стало создать какую-либо систему, тот может сам запутаться в этих отношениях, так как относительно немногочисленные синтаксические и бесконечно разнообразные вещественные значения, вытекающие из вполне конкретных, непредвиденных для нас ситуаций, могут обозначать нечто совершенно иное. Именно поэтому столь долго ведутся споры отдельных ученых относительно трактовки этрусских слов. Так, например, слово *aura* толкуется или как притяжательное местоимение (Феттер) или как «могила» (Кортсен). О слове *ale* «дать, дар» Ольша говорит («Interpretation der Agramer Mumienbinde», Leipzig, 1939, стр. 132), что «это редкий случай, когда этрускологи трогательно единодушны».

Отважной попыткой, беспримерной по масштабу, является упомянутая выше книга Ольши, в которой он исходит из правильного предположения, что вековое культурное сожитие на полуострове сблизило отдельные племена в такой степени, что их религиозные обряды, запечатленные в литературе, могли стать до известной степени параллельными (ясен параллелизм, например, в надмогильных этрусских и римских надписях). Так как ритуальный характер *l. l.* ясен, то Ольша сосредоточил свое внимание на анализе самого большого культового итальянского памятника, умбрийских Игувинских таблиц (*TI*), в особенности их топики, и сравнении обоих памятников. О заслугах этого автора в анализе и дополнении текста *l. l.* мы скажем ниже. Здесь следует высказать несколько критических замечаний. Путь от признания параллелизма до сходства, имеющего доказательную силу, слишком велик. Ольша то использует неопределенность исходных положений (ср. стр. 187: «с известным напряжением приходится допустить отсутствие в подобном ритуальном тексте выражений для фимиама и жертвенной муки *mola salsa*»), то он принужден, нанизывая одну гипотезу на другую, все-таки делать выводы (ср. стр. 120: «если мое допущение правильное, ...то можно думать, что...»).

Имеются два главных порока, которые следует поставить ему в упрек: во-первых, он очень преувеличил родство *TI* и *l. l.*: он забыл, что костяк *l. l.* — хотя бы в количественном отношении — составляют даты, тогда как в *TI* их нет и следа. Уже поэтому близость обоих памятников неправдоподобна! А во-вторых, Ольша не только не приводит для своих грамматических конструкций параллели и доказательств (так, например, *-treš* в значении постпозиции), но непоследователен даже в определении форм. Говоря о пассивном характере этрусского глагола, он не приводит никаких данных о формах его выражения: на стр. 165 он истолковывает *tul* как *funditur*, а *šin* как *accipiat*. То же самое *tul* на стр. 206 он переводит попеременно как *funditur* и *funde*. Не исключена возможность того, что этрусская морфология до известной степени хаотична, нарушена, однако эти колебания нужно последовательно устанавливать, а не выдвигать предположения в зависимости от хода доказательств. Поэтому ясно, что из многих требований Ольша не выполнил по меньшей мере одного, т. е. не подверг материал солидному лингвистическому анализу.

Все время предпринимаются попытки объяснения текстов. Но несмотря на эти попытки сохраняется непроходимая пропасть между уверенным объяснением ономастических формул и сомнениями при чтении больших надписей. Как только мы покидаем имена, указывающие на датировку и общественные учреждения, то оказываемся на зыбкой почве, так как исчезает важнейшая основа перевода — знание смысла. Все попытки связного перевода крупных надписей поэтому являются преждевременными, неточными и опровергают друг друга. Кортсен, во многих отношениях почтенный этрусколог, отличается больше смелостью, чем внимательным отношением к грамматическим особенностям текста. Когда исследование производится научным методом, то появляются полезные работы, которые могут быть использованы при новых находках.

Остановимся хотя бы кратко на трактовке некоторых крупных текстов. Так называемая *Piombò di Magliano* (CIE, 5237), небольшая свинцовая дощечка, содержит 68 слов, начертанных по спирали на обеих сторонах, вследствие чего ее прочтение вызвало много затруднений. Кортсен разобрал надпись в «Glotta» (27, 1939, стр. 271—276), предположив, что она содержит указания на жертвоприношения некоторым божествам, производимые над могилой в определенное время. Путеводной нитью для

него были многочисленные имена божеств, далее, известные слова, означающие даты и священный сан, а также некоторые паричательные имена.

Заново объясняет так называемую надпись Pulena (CIE, 5430, саркофаг, изображающий мужчину со свитком в руке) Феттер в «Glotta» (28, 1940, стр. 159 и сл.). По его мнению, *Pulena* был учителем прорицателей в школе в Тарквиниях. На авторство книги указывают — наряду со свитком — слова *zich neðšrac*, причем *zich* он толкует посредством билингвы как *zichu* = *Scribonius*, а *neðšrac* может быть связано со словом *netšvis* из билингвы о прорицателе, где *netšvis* соответствует первой части лат. *haruspex*. Девото (SE, 10, 1936, стр. 278) весьма правдоподобно переводит слова *tarchnalð spurenì lucairce* как «*fu lucumone nel territorio di Tarquinia*». При этом как местный падеж на -ð(i), так и значение *spur* и глагольность *lucairce* несомненны.

Другая большая этруская надпись Cippus Perusinus (CIE, 4538), состоящая из 120 слов, также была детально изучена. Согласно Феттеру, в ней идет речь об установлении границ между двумя родами (*Veltīna* и *Afuna*), по Кортсену, говорится о договоре, касающемся пользования гробницей. Содержание надписи в конце концов было предметом коллективного анализа на Settimana Etrusca во Флоренции (1936 г.) при участии лучших этрускологов, но даже при голосовании относительно отдельных слов, например при решении вопроса — имя или глагол то или иное слово, единство не было достигнуто. Препятствует чтению неясное значение таких слов, как *vachr*, *tezan*, *fušle* и др. В результате 8 голосов было подано за юридический характер надписи против 4 голосов, отстаивающих ее обрядовый характер.

Равным образом, обширная этруская надпись, так называемый Капуйский кирпич (V в. до н. э.), подверглась тщательному анализу. Надпись выполнена бустрофедоном и не имеет выдержанного деления на слова, поэтому деление здесь более затруднительно; кроме того, многие слова не представлены в других надписях. Как раз на материале этой надписи Феттер (Gl., 28, 1940, стр. 155 и сл.) развивал свою индоевропейскую теорию, например при объяснении слов *tinunus sedim*, которые им переводились как *dies septem*, хотя для «семь» имеются слова *semp* и *sezp*; далее, он видит в *puian* индоевропейский винительный падеж на -m, и т. д. И здесь осторожные исследователи ограничиваются констатацией, что в надписи приводится ряд имен богов и что, очевидно, содержание ее связано с жертвенным ритуалом, судя по слову *vacł* (= жертва), которое часто встречается в l. l., и названиям сосудов.

Наибольший успех, хотя и нельзя еще говорить о переводе, был достигнут при трактовке самой большой этрусской надписи, которую мы часто называли, — *liberlinteus*; это единственная из сохранившихся надписей этого типа во всей античной письменности, хотя упоминания о *libri lintei* с религиозным содержанием встречаются довольно часто. Главная заслуга в истолковании памятника принадлежит Ольше, который опубликовал свои статьи в SE (8, 1934, стр. 247—290 и 9, 1935, стр. 191—224) (в более скромной степени этим целям послужила и упомянутая выше его книга), и Паллотино, опубликовавшему ряд статей в SE. Основой успеха был стереотипный характер памятника, правильное словосложение и образцовое издание. Наиболее существенное место l. l. посвящено ритуальному обращению к богу Нептуну (*flere neðunšl*), богу, означенному как *flere in crapšti*, и богам *aiser šic šeuc*. По сочетанию ритуальных формул с многочисленными датами можно сделать заключение, что речь идет о каком-то религиозном календаре, не вполне совпадающем с римскими календарями, так как упоминаются лишь некоторые празднества. Весьма соблазнительно толкование Феттера («Etruskische Wortdeutungen», I, 17, цитирую по автореферату в Gl., 28, 1940, стр. 149), что слова VIII, *3 celi huðšl 1adrumiš flerchva neðhunšl* означают «сентября 24, праздник Нептуна» в связи с тем, что римский праздник Нептуна относился к 23 сентября (на названии месяца «сентябрь» остановимся позднее).

Главная заслуга, прежде всего Ольши, в том, что он, продолжая дело своих предшественников, обратил особое внимание на взаимоотношение отдельных частей ритуальных текстов и установил параллелизм, достигающий, например, такой степени, что на основании двух сохранившихся строф, посвященных одному божеству, ему удалось восстановить пропуск в части текста, посвященной другому богу. В связи с тем, что испорченный текст (нижняя часть его не сохранилась) можно в нескольких местах с уверенностью дополнить, Ольше удалось установить высоту столбца (36 строк) и тем самым число строк в сохранившихся 12 столбцах (390). К сохранившимся 220 строкам Ольши смог прибавить еще 50 (почти все они содержат стереотипные формулы), примерно 120 строк остаются безнадежно утраченными. Много усилий было потрачено на перевод отдельных частей l. l. Из целого ряда правдоподобных объяснений я привожу только одно: за XI, 14, непосредственно после даты и указания, что должно совершаться, следует такое предложение: *cntnam ðesan fler veiveš ðezeri*. Кортсен (Gl., 26, 1939, стр. 245) переводит это следующим образом: «в тот самый день (Феттер: утро) жертва должна быть доставлена в *Veive*». В слове *cntnam* он видит указательное местоимение *en* и частицу *tnam*, которая употребляется как самостоятельное слово *etnam* в значении *item* (засвидетельствовано в l. l. 40 раз). *Thesan* известно в качестве имени богини Авроры, *fler* — выражения для «жертва», *veiveš* может быть тожде-

ственно с лат. *Veiovis* (нам известен целый ряд этрусско-латинских параллельных названий божеств). Наконец, окончание *-eri* известно из других источников в качестве пассивного.

Напротив, до сих пор весьма спорно значение формулы, которая нормально (т. е. при отдельных божествах) звучит как *cisum pute tul θaus hadec repines*, но в ритуальном обращении к божествам *aizer šic šeuc* звучит как *cisum pute tul θansur hadrđi repindic*. Очевидно, будет правильным объяснить различие в форме *θans* и *θansur* и последующих слов в связи с изменением имени божества с единственного числа (*neđunš, crapšti*) на множественное (*aizer*). Но эта трактовка противоречит переводу Ольши, который опирается на *TI* и в согласии с общим контекстом стремится видеть у *θans hadec repines* значение, соответствующее умбскому *futu fons pacer*, т. е. *volens propitiusque sis*. Но ни в одном другом памятнике не засвидетельствована форма множественного числа императива на *-ur*; это окончание является только показателем именного множественного числа. Поэтому Паллотино стремится найти (SE, 17, 1943, стр. 347—357) иной выход и сравнивает сочетание *hadec repines* с умбской формулой о наблюдении за птицами в священной местности: *pernaies pusnaies*, переводя слова *θans hadec repines* как *aram in antica et in postica (sc. parte)*. Предшествующие слова означали бы в таком случае жертву, очевидно возлияние: *cisum pute tul*. *Pute* — название сосуда, *cisum* может быть произведено от числительного *ci* = «три». При божествах *aizer šic šeuc* речь шла бы о двух алтарях, вследствие чего и появляется множественное число *θansur*.

Наши познания о грамматическом строе этрусского языка остаются и поныне весьма ограниченными, во-первых, потому, что тексты не отличаются богатством форм, а во-вторых, вследствие того, что нам неизвестны языки, родственные этрусскому. По примеру Эвы Физель в новейших исследованиях обращается внимание на диалектальное членение этрусского языка. В соответствии с некоторыми фонетическими различиями вся область делится на четыре части: 1. Кампания; 2. Приморская Этрурия; 3. Внутренняя Этрурия; 4. Равнина р. По и р. Адидже. Далее, в зависимости от древности памятников, различается этрусский язык древний (7—5 вв. до н. э.) и новый (5—1 вв. до н. э.). Главные различия состоят в том, что в новотрусском утрачиваются безударные гласные, дифтонги монофтонгизуются, а глухие взрывные часто переходят в ряд аспиратов, которые изменяются потом в спиранты. Так, старотр. *turce, vacil, paidunas, uple* в новотр. звучат как *turce, vacl, peđnei* (= жен. род.), *ufle*. Самый большой этрусский памятник *I. I.* написан на этом позднем языке, в то время как Капуйский кирийч — на старом. Девото (SE, 18, 1944, стр. 187—197) сравнивает этрусскую и латинскую фонетику и находит, наряду с различиями, сходство, которое объясняет многовековым соседством обоих народов. К различиям относятся: неразличение в этрусском звонких и глухих (ср. *taille* вместо греч. *Daidalos*) и чередование аспирированных с неаспирированными (*urusđe* и *urste* вместо греч. *Orestes*). Гласные заднего ряда *o* и *u* в этрусском совпадают, тогда как передние *i* и *e* продолжают различаться. Наконец, этрусский проявляет тенденцию к гармонии гласных. Однако, как и в (поздней) латыни, в нем упрощаются дифтонги и, как в оскоко-умбском, происходит синкопа внутренних гласных. Девото называет эти явления околоиндоевропейскими, так как они выходят за пределы генетически родственных языков. В словообразовании отметим хотя бы суффикс *-ana*, который, согласно Баттисти (SE, 17, 1943, стр. 287—313), был заимствован латинским из этрусского. Схождение обоих языков Баттисти усматривает особенно в том, что при помощи *-ana* происходит образование прилагательных от прилагательных: так, этр. *husrnana* от *husrna* (молодой) соответствует лат. *veteranus, rusticanus, decumanus*. Далее, прилагательные от существительных: этр. *špurana* от *špur* (город), как лат. *urbanus, humanus* и др. Равным образом образуются названия божеств; ср. этр. *θesan, culšan, laran, turan* и лат. *Tutana, Levana, Pruestana*. Наконец, прилагательные от топонимических названий; ср. этр. *Veiane*, лат. *Romanus*.

В склонении следует напомнить, что местный падеж на *-thi* производится иногда от родительного; ср. *tarchnal-đi* (в Тарквиниях), *velcl-đi* (в Вольсках) и др. Очевидно, здесь имеет место нечто подобное чешским диалектным формам типа *fejich-ho, fejich-mu*.

Несомненный факт присоединения к гентиву собственных имен еще особого гентивного окончания, например *velđur velđuruš-la*, Паллотино трактует как проявление общей тенденции характеризовать определенные формы дважды, иногда трижды (ср. родительный падеж *arndal-iša*). Паллотино, называющий это явление *rideterminazione morfologica* гентива, полагает, что синтаксическое смысловое значение слова при этом обычно не изменяется. Но Буонамичи доказывает, исходя из генеалогий, что двойной гентив семантически более отягощен и означает внука, т. е. сына сына. В связи с этим *arndal-iša* означало бы сына сына Арнтха, т. е. имя отца выражено при помощи описательного оборота «сын Арнтха».

Из местоимений обычно рассматривают *ti* как местоимение 1-го лица; ср. надписи на двух кувшинах с фалисской территории, одну на фалисском наречии, другую — на этрусском: *eco quto ievotenosio* и *mi qutun lemausnas* (обе надписи означают «я кувшин...»); имя нарицательное заимствовано из греч. *κόβων*). Вместо *ti* часто находим

местоимение *esa*, *ca*, очевидно, указательное, которое имеет и генитив, например *sā*, локатив *cati*, а также аккузатив, который в именной флексии не засвидетельствован. Так, в соответствии номинативу *esa šuđi* ... (= это могила ...) в надписи CIE, 2403 находим аккузатив: *ecn turce larđi leđanci alpnu selvansl canzate*. Кортсен (Gl., 26, 1938, стр. 247) перевел надпись так: «Diese gab Larthi Lethanei zur Gabe dem conzatischen *Selvans*» (речь идет о статуэтке, посвященной Сильвану).

Таково же сочетание местоимений *ta*, *tn*; ср. надписи, приводимые также Кортсеном (ib., стр. 252, 253): надпись из собрания Буффы, № 753 *ta šuđi avles đansinas* Кортсен переводит как «это могила *Avle Thansina*». Надпись из собрания Фабретти, № 38 *tn turce ramđa uhtavi selvansl* он переводит как: «*Ramtha Uhtavi* schenkte diese dem *Selvans*».

В настоящее время получило всеобщее признание остроумное толкование Торпа, предложенное в начале века, что в этруском система числительных подобна латинской (латынь переняла их, очевидно, от этрусков). Наряду с названиями десятков встречаются как единицы только числительные 1—6, представленные на игральном костях, т. е. *mach-zal*, *đu-huđ*, *ci-ša*. Нигде не встречаются ни *semp*, ни *cezp*, означающие 7 или 8 (числительное 9 не засвидетельствовано надежным образом). Зато нам известны, наряду с десятками, в качестве единиц еще три числительных на костях, все с постпозитивной частицей *-em*, которую Торп объясняет как *de* в *duodeviginti*: *đunem*, *eslem* (от *zal*, которое имеет вариант *esal*), *ciem*. Эти три цифры могли бы означать, что от десятка следует отнять 3, 2, 1, (так как 1—6 может быть выражено позитивно). А так как в *l. l.* в месяце *celi* (этр. -лат. глосса *Caelius*—*september*) следуют друг за другом даты *huđiđ* *zađrumiđ*, *ciem* *cealchuđ*, *eslem* *cealchuđ*, *đunem* *cealchuđ* (из других источников известно, что название десятка означает, очевидно, 20), то из подсчета дней в месяце вытекает, что *cealchuđ*—это 30, а следовательно, *zađrum*—20. В таком случае три числа означали бы 27, 28, 29. Если мы дополним на костях значение противоположащих чисел, то получим: *mach* = 5 (так как *zal* = 2), *huđ* = 6 (так как *đu* = 1), *ša* = 4 (так как *ci* = 3). Вследствие этого даты праздников, следующих друг за другом, были бы 26, 27, 28, 29 сентября.

Менее всего известен нам этруский глагол: некоторые исследователи видят в нем именное образование, другие указывают, что поскольку в больших текстах редко представлен глагол-связка, например, *amce* (= был), это также указывает на именной характер предложений.

В синтаксисе наиболее важным открытием последних лет является, по нашему мнению, объяснение Феттером некоторых форм как временных конструкций, соответствующих латинскому *abl. abs.* Феттер исходил из смысловых затруднений, так как в *Tomba degli Scudi* в Тарквиниях, где имеется склеп семьи *Velcha*, на одной надписи отмечен мужчина из другого рода. Речь идет о надписи CIE, 5388: *zilci velus hulchniesi larđ velchas veldurs aprđnalc clan sacniša eiđ šuđiđacazr*. Так как речь идет о высокопоставленном лице (*zilc*, *zilath*) и поскольку семья *hulchni* принадлежала к самым славным в Этрурии, он истолковал первые три слова наилучшим образом: в период правления Вела Гульхния (в соответствии с некоторыми объяснениями латинское *consul* содержит в себе этр. *zil*). В том же склепе находим подобное же обозначение в последней строке надгробной надписи основателя склепа (CIE, 5385): *zilci velusi hulchuniesi*. И, наконец, в склепе *Tomba dell'Orco*, опять-таки в Тарквиниях, надгробная надпись CIE, 5357 датирована посредством указания на двух правителей: *larđiale hulchniesi marcesic caliđensi munsle...*, причем *munsle*, наверное, означает официальный титул. Имена обоих правителей соединены связкой *-c*: *marcesic-c*. Любопытно, что один из этих правителей происходит из того же рода, что и покойник из склепа *degli Scudi*. Очевидно, официальные должности в Этрурии находились в руках немногочисленных родов.

О том, существовал ли грамматический род и член (постпозитивный), постоянно идут споры; во всяком случае эти категории не были вполне развиты.

Из связок вполне ясны в особенности две: связочное *-c*, например *vel seđre puiaс* (= *vel Sethre* и супруга), и противительное *-m* в значении греч. *δέ*. Это *-m* ставилось в начале нового колона или предложения; так, например, в надгробных надписях *lupi-m* означает «умер же», *puia-m amce* означает «была же супругой» и т. д. Связочный характер для слова *sves* в *l. l.* Феттер предполагает потому, что после него всегда следует глагольная форма прошедшего времени.

Проблема родства этруского языка с другими языками решалась и в этот период. Однако следует хорошо уяснить обстановку. Неиндоевропейские языки вокруг Средиземного моря так мало сохранились, обычно столь мало изучены и, наконец, так удалены от этруского языка, который нам известен также весьма несовершенно, что фактическая помощь со стороны этих языков незначительна. Нет в других языках, например, слова, которое соответствовало бы этрускому *ati* (= мать), *clan* (= сын), *sech* (= дочь); для названия отца мы не знаем даже этруского слова. Далее, числительные 1—6 не имеют ни в одном другом языке определенного соответствия. Сходство этруского языка с языком лемносской надписи продолжает признаваться, но в интер-

претации самой этой надписи нет большого прогресса. Так, Б. Грозный по своему обыкновению начинает свою статью о лемноской надписи (SE, 9, 1935, стр. 127, 132), переводом, вытекающим из хеттских, лувийских и лидийских этимологий. Равным образом гипотетичен и не поддается проверке перевод П. Кремчера (Gl., 29, 1942, стр. 89—98).

Более реальными представляются попытки связать топонимику Этрурии (она не должна быть тождественной с этрусской топонимикой) с доиндоевропейской сферой. Устанавливаются различные типы образования слов в зависимости от территории, а именно: иберийские, лигурийские, догреческие и др. Помехой служит, однако, то, что нам не известны нарицательные имена, которые могли быть основой этих названий (мы не знаем, например, как звучали этрусские «гора», «река»). Далее, вполне возможно, что греки и римляне, сохранившие эти названия, часто сближали их со своими названиями и таким путем фонетически их деформировали. Это изменение происходило, естественно, и тогда, когда территория меняла свое население. Несмотря на эти препятствия, все же удалось, особенно итальянской школе, руководимой Баттисти, доказать неэтрусский характер топонимики Альто Адидже и тем самым опровергнуть теорию о приходе этрусков с севера (до наших дней борются между собой мнения о восточном происхождении этрусков и их автохтонности).

Так как из всех неиндоевропейских языков Италии этрусский нам известен относительно лучше всего, то нельзя ожидать особой помощи со стороны остальных языков: лигурийского, лепонтского, пиценского и ретийского. Баттисти вообще сомневается в существовании каких-либо ретийских надписей, считая язык этих надписей этрусским.

Другая группа языковедов прилагает большие усилия, стремясь связать этрусский с другими неиндоевропейскими языками Средиземноморья. Эти попытки производятся исключительно на основе лексики, так как грамматические системы доиндоевропейских языков нам неизвестны. А мы знаем, что лексические сходства оказываются часто непоказательными, так как их можно объяснить заимствованием. Превосходный знаток вопроса Г. Алессиньо объясняет (SE, 15, 1941, стр. 185), например, слово *philox* как эгейское, в то время как Штрюмберг уже давно объяснил это слово на почве греческого (ср. *philos* и *φρον*). Но именно исследования Алессиньо содержат много ценных наблюдений; так, в своей статье в SE (17, 1943, стр. 227—235) он приводит ряд названий растений и животных в греческом и латыни с редупликацией, в то время как оба эти языка представляют редупликацию главным образом в глаголах. Однако необходимо все же отметить, что приведенные им и некоторые другие слова не засвидетельствованы в этрусском, и вообще сомнительно, приходим ли мы при изучении греческого и латинского субстрата только к этрусскому языку или к языкам, родственными ему. Вполне возможно, что в Средиземноморье мог существовать ряд неродственных между собой языков.

Но и в последнее время не прекратились попытки объяснения этрусского при помощи языков индоевропейских: наиболее приемлемой является упомянутая уже теория Девото, которая предполагает в этрусском смешение элементов индоевропейских (= италийских) и неиндоевропейских. Девото таким образом объясняет местоимения этр. *mi* и *ta*, из частиц *-c* (= индоевроп. *ke*), из суффиксов *-alis* (который был заимствован латынью из этрусского генитива *-al*); возможно, что это относится и к латинскому *-estris* из этрусского *treš*. Подобно этому он объясняет ряд слов: *nefts* (ср. *nepos*), *prumpt* (ср. *pronepos*), *maru* (ср. умбское *maro*), *lautn* (ср. *liber*), *usil* (ср. сабельское *ausel*), *sacni* (ср. *sacer*) и др. Равным образом, сюда относится своеобразная этрусско-италийская система личных имен.

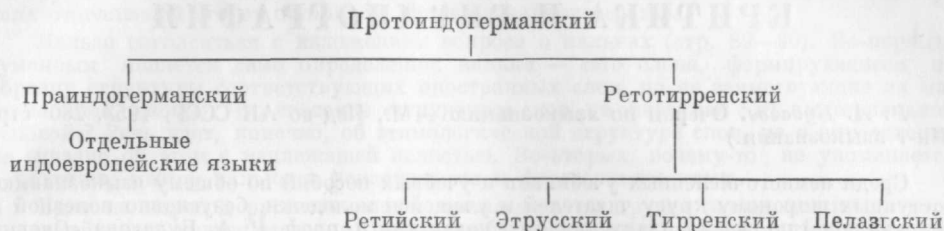
Более смелыми представляются взгляды Вл. Георгиева, Феттера и отчасти Кречмера². По мнению Георгиева (например, «Vorgriechische Sprachwissenschaft», 1941), этрусский язык является индоевропейским, родственным тому языку, который Георгиев пытался открыть в самом греческом как его более древнюю основу. Георгиев не допускает существования в восточном Средиземноморье каких-либо доиндоевропейцев, а предполагает только индоевропейские племена. Так, он полагает, что в *tapiaš* то же слово, что и в *δῆμος*, но догреческий индоевропейский язык перевел звонкие в глухие (как этрусский), а на месте индоевропейского *o* имел *a*. В целом можно будет оценить попытку Георгиева установить место этрусского языка только в связи с его объяснением критских и других надписей как индоевропейских.

Феттер, вначале весьма критически настроенный этрусколог, в последние годы также впал в недоказуемое индоевропеизирование, особенно в своей книге «Etruskische

² К. Яначеk по неизвестной причине обходит молчанием одно из наиболее солидных, но вместе с тем осторожных исследований, посвященных проблеме индоевропейского характера этрусского языка — E. G o l d m a n n, *Beiträge zur Lehre vom indogermanischen Charakter der etruskischen Sprache*, Heidelberg: Teil I — 1929; Teil II — 1930; его же, *Neue Beiträge zur Lehre vom indogermanischen Charakter der etruskischen Sprache*, Wien, 1936. — *Ред.*

Wortdeutungen» (1937) и в своих обзорах в «Glotta». Достаточно цитаты: «Этрусский язык по строю целиком индогерманский» (Gl., 29, 1942, стр. 209). Его метод можно уяснить на следующем примере, для которого нет параллели: *cesasin* из надписи CIE, 5407 он переводит как *ponantur* (исходя из *cesu* = *situs est*) и всю форму анализирует следующим образом: *-as* = показателю аориста, *-i* = показателю опатива, *-n* = окончанию 3-го лица множественного числа.

Кречмер развивает далее свою протоиндоевропейскую теорию и в статье «Die vorgriechischen Sprach- und Volksschichten» (Gl., 30, 1943, стр. 84—218) проводит следующее разделение:

Этих ретотирренцев Кречмер считает давними соседями древних индоевропейцев, даже на территории современной Чехии и Моравии. В конкретных этрусско-индоевропейских сходжениях Кречмер целиком соглашается со своим учеником Феттером; так, он сравнивает локатив *-thi* с греч. *ὀχοῦθι*, *ikam* с *ego* и т. д.

Наконец, в 1952 г. А. Карнуа опубликовал статью «La langue étrusque et ses origines» в бельгийском журнале «L'antiquité classique» (21, 1951, стр. 289—331). Карнуа не является этрускологом и не опирается на серьезные труды, указанные мною в этой заметке; наоборот, он вполне доверяет не вполне надежным значениям; поэтому его грамматические и лексические выводы о родстве этрусского с индоевропейским прайзыком целиком гипотетичны.

В заключение нужно сказать, что пока не будут найдены новые и более разнообразные этрусские памятники или до тех пор, пока не будут объяснены языки, родственные, может быть, этрусскому, работа этрускологов будет необычайно невзыскательна и несоразмерна с приложенными усилиями. Между тем может статься, что, согласно одному остроумному выражению, и после истолкования всего этрусского материала мы получили бы ключ к дверям, ведущим в пустую комнату.